

Диалектика символа

Любовь как литературный жанр

Наталья Осминская

Валерий Брюсов, Нина Петровская. Переписка: 1904–1913 / Вступ. статьи, подготовка текста и комментарии Н. Богомолова, А. Лаврова.

– М.: Новое литературное обозрение, 2004, 776 с.

Чтение чужих любовных писем – занятие не для щепетильных. Однако с перепиской Валерия Брюсова и Нины Петровской дело обстоит не так однозначно. Сам поэт сделал эту часть своего эпистолярного наследия предметом литературного завещания. Согласно его воле, выраженной в 1911 (!) году, эти письма должны были быть опубликованы спустя десять лет после кончины того из участников истории, кто переживет другого. Брюсов даже предусмотрел состав издательской комиссии. В нее были включены поэт Константин Бальмонт, издатель Сергей Поляков, муж Петровской Сергей Соловьев и писатель Андрей Белый. Так что если до сих пор письма не были обнародованы, то лишь по той простой причине, что указанный срок публикации пришелся на 1938 год, когда ни исторические условия, ни личные обстоятельства жизни названных лиц не позволяли исполнить волю Брюсова.

Иное дело – Петровская. Она не только не жаждала публикации ее корреспонденции к Брюсову, но вообще стремилась предать забвению всю эту историю. 13 мая 1913 года она обращается к своему бывшему возлюбленному лишь с одной надобностью – получить назад свои письма: «Насколько я помню, твои письма хранятся у Сережи (!!) как литературное сокровище, завещанное будущему? Если говорить откровенно, я хотела бы уничтожить и их, ибо изменилась моя душа, и то, в чем находила я великое и прекрасное прежде, кажется мне пустым и лживым теперь. Но, зная тебя, об этом я могу только смиренно просить». Даже в своей послед-

ней просьбе к Брюсову Петровская робка и безнадежна. Таков уж был сценарий их отношений.

При всей внешней жестокости поведения Брюсова ему нельзя отказать в последовательности. Этот роман с самого начала был для него недостающим звеном в программе декадентского жизнетворчества. В 1905 году, в пылу любовного угара, Брюсов писал Петровской: «С каждым днем все более и более Ты становишься для меня символом, а не живой, не той, кому я в жизни говорил: «Девочка, милая, хорошая, маленькая...», – но той, кого я ждал долго, увидел в мгновенном видении и не должен увидеть вновь». О, если бы Петровская уже тогда распознала в этих строках свою будущую судьбу! Но в ту пору она еще всецело наслаждалась ролью литературного символа: с нее, с «маленькой начинающей журналистки», Брюсов писал образ Ренаты, главной героини его романа «Огненный ангел».

Трагизм этой истории лишь в том, что в мир, куда так настойчиво звал Петровскую Брюсов, –

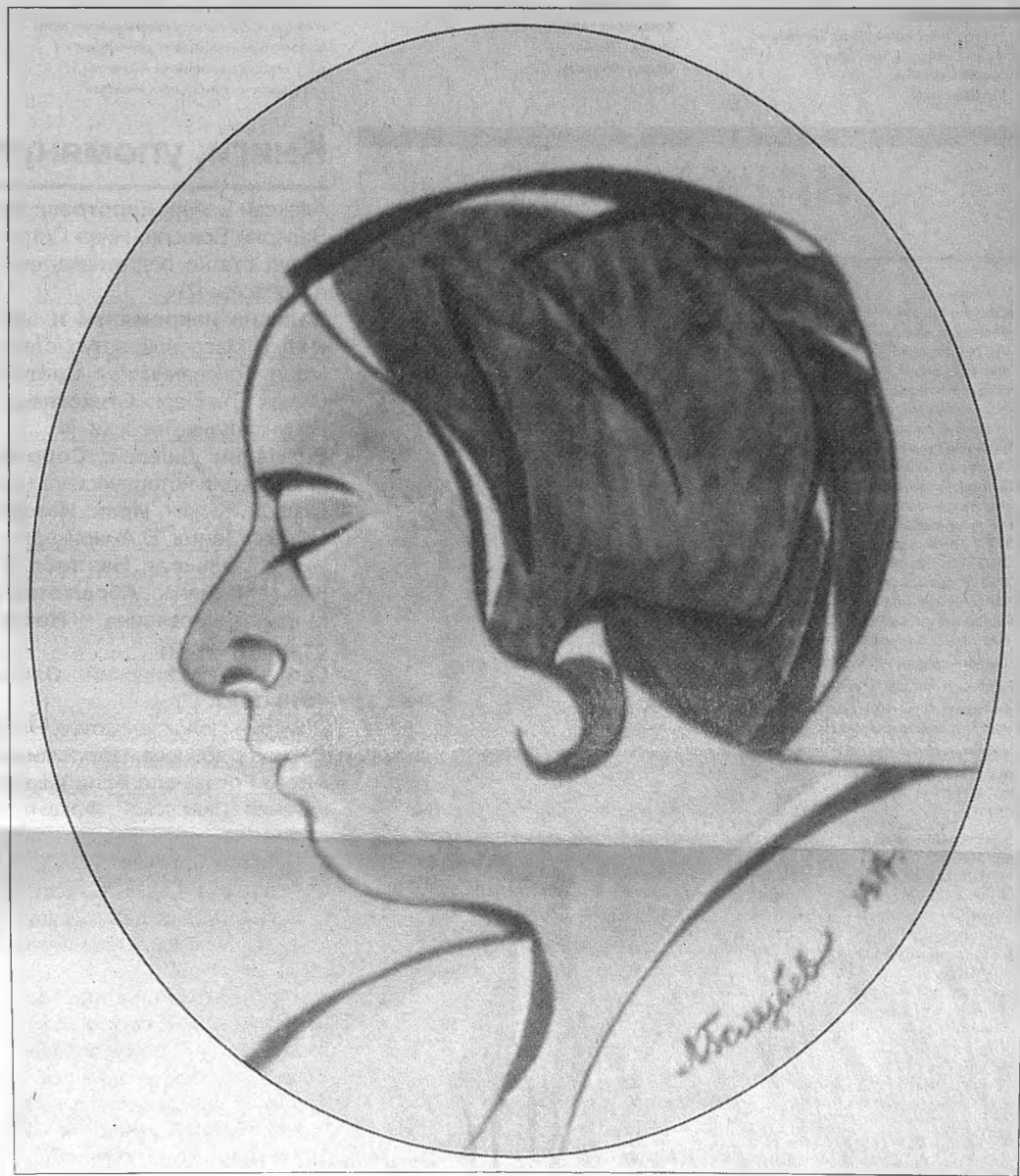
в мир, где нет различия между реальностью и вымыслом, – сам Брюсов вступить так и не решился. Будучи вполне обывательски привязан к уюту домашнего очага и к своей жене, он по-

В этой переписке читатель не найдет никакой околосимволической бытовухи – это литература чистой воды. Однако вся житейская подноготная отношений Брюсова и Петровской

В мир, где нет различия между реальностью и вымыслом, сам Брюсов вступить так и не решился

своему, по-писательски, реализовал евангельский завет «Богу – богово, а кесарю – кесарево». Для Петровской же все обстояло иначе. Раз избрав для себя роль символа, она оставалась верна этому образу до конца своих дней. В 1910-е гг. приняла католичество и даже сменила имя – стала полноценной Ренатой. Почему Брюсов так и не последовал за своей музой, она понять не могла и весь остаток жизни провела в наркотическом отчаянии.

реконструирована в комментариях и двух предисловиях, написанных двумя знатоками русского символизма А. Лавровым и Н. Богомоловым. Они подробно излагают весь ход этого литературно-любовного эксперимента – и увертюру, и антракты, и закадровую финальную часть. Надо сказать, что от помещения в реальный жизненный контекст символическое содержание всей этой истории только выигрывает.

Нина Петровская – женщина русского символиста.

Портрет Нины Петровской работы Л. Голубева-Багрянородного. 1917